

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-430-449>

<https://elibrary.ru/SRZIEIX>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Обдумывать каждое слово»: памяти И.А. Зайцевой

© 2026, Ю.В. Балакшина

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия

Свято-Филаретовский институт,

Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена комментаторскому опыту ведущего научного сотрудника Отдела русской литературы ИМЛИ Ирины Аркадьевны Зайцевой (1951–2024), трудившейся в составе научного коллектива Института над подготовкой Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя. Материалом для статьи послужили научные труды И.А. Зайцевой, в которых содержится рефлексия по поводу собственного комментаторского опыта, а также ее личные письма автору данной публикации. Описываются различные комментаторские стратегии, которые использовались Зайцевой в ходе изучения истории текста, выявления и описания критической рецепции, создания реального комментария. Отдельный раздел статьи посвящен комментаторской этике. Сформулированы принципы, на которые опиралась в своей работе И.А. Зайцева. Среди них: творчески-критическое отношение к опыту предшествующих поколений комментаторов; опора на личное изучение первоисточников с возможностью расширения их круга в ситуации «гаснущих рукописей»; стремление выявить и предъявить читателю особенности индивидуального творческого процесса; использование герменевтического подхода в передаче критической рецепции классического текста; различение «научного комментария» и научной или словарной статьи; наличие как научных (фактическая точность и насыщенность, летописность), так и эстетических (стиль, темп, выверенность формулировок) требований к тексту комментария; поиск «ключа», позволяющего выявить особенности поэтики исследуемого текста и найти способ подачи исследовательского материала. В статье уделяется место личной жизненной позиции И.А. Зайцевой, которая деятельно верила в ценность и значимость комментаторского труда, в то, что издание классиков определяет развитие отечественной культуры и национального самосознания.

Ключевые слова: текстология, комментирование, история текста, реальный комментарий, Н.В. Гоголь, И.А. Зайцева

Информация об авторе: Юлия Валентиновна Балакшина — доктор филологических наук, профессор, Филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1-я линия Васильевского острова, д. 52, 199004 г. Санкт-Петербург, Россия; профессор, Свято-Филаретовский институт, Токмаков пер, д. 11, 105066 г. Москва, Россия.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

Для цитирования: Балакшина Ю.В. «Обдумывать каждое слово»: памяти Ирины Аркадьевны Зайцевой // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 430–449. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-430-449>

Жанр научного комментария к собранию сочинений писателя-классика в наше время вынужден снова и снова доказывать свою жизнеспособность перед лицом искусственного интеллекта, новых технологий, нелинейных и непечатных способов публикации текстов, принципиального отказа от возможности единого и общезначимого смысла¹. В научных дискуссиях звучат предложения о полном или частичном отказе от традиционного комментария² и о замене его, например, практикой «пристального» чтения³. К проблемам, обусловленным особенностями развития современной цифровой цивилизации, добавляются проблемы экономические: в условиях рыночной экономики оплата труда академических коллективов, ранее имевших возможность готовить комментарий к тому или иному классику годами и десятилетиями, сокращается, а темпы труда увеличиваются.

В эпоху кризиса комментаторской традиции возникает необходимость зафиксировать принципы и подходы, сформировавшиеся в академических коллективах в пору их расцвета, с тем, чтобы не потерять это важнейшее культурное достояние. Сходную задачу ставит, в частности, А.М. Березкин в статье «Когнитивные и прикладные аспекты современной текстологии», утверждая, что «познавательная деятельность исследователя, изучающего творческий процесс», представляет не меньший интерес, чем сам процесс создания текста автором: «Объектом анализа может быть, таким образом, не только конкретное

¹ См., например, высказывание К.А. Баршта: «Насколько необходим комментарий как еще один вид “слова о слове”, не избыточен ли он, особенно в условиях формирования информационного общества, когда отбор информации по степени ее необходимости становится все более жестким?» [1, с. 281].

² В частности, А.П. Чудаков предлагает новый тип «тотального комментария» — медленного, не выборочного чтения-анализа всех единиц художественной системы того или иного текста, «чтения сплошным, без пропусков, слово за словом, стих за стихом, строфа за строфой» [18, с. 210–211].

³ Так, С.Н. Зенкин считает «сегодняшнее господство комментаторского дискурса в русском литературоведении» (в ущерб практике «пристального чтения») признаком «очередной несостоявшейся культурной, в данном случае “литературно-теоретической”, модернизации страны» [11, с. 81].

явление (деятельность автора текста и ее результаты), но и способ его осмысления (цели и методы исследователя-аналитика)» [2, с. 67].

В свете поставленной задачи особую ценность обретают труды таких ученых, как Ирина Аркадьевна Зайцева (1951–2024), которая всю жизнь проработала в Институте мировой литературы в качестве комментатора сначала творчества А.М. Горького (готовила к публикации черновые рукописи романа «Жизнь Клима Самгина», горьковские письма и др.), затем художественного наследия Н.В. Гоголя. В составе гоголевской группы И.А. Зайцева работала над комментарием к четвертому («Ревизор»), шестому (некоторые разделы комментария к повестям «Портрет», «Шинель», «Рим») седьмому («Мертвые души») томам Полного собрания сочинений и писем в 23-х томах и почти завершила подготовку тринадцатого (первого тома переписки писателя). В свои последние дни она дочитывала его корректуру и диктовала коллеге по телефону необходимые исправления. Ирина Аркадьевна успела составить комментарий к письмам Гоголя матери для следующего четырнадцатого тома.

В некрологе гоголевской группы по случаю кончины Ирины Аркадьевны⁴ говорится, что она была «профессионалом самого высокого толка», что подготовленный ею том переписки Гоголя стал «определенным камертоном в подготовке эпистолярного наследия» писателя, что «для решения самых сложных вопросов и проблем она всегда находила мудрые решения и умные и лапидарные формулировки»⁴.

Цель настоящего исследования — на основании статей И.А. Зайцевой и материалов личной переписки с ней выявить комментаторские подходы, которые отличали труды и самой Ирины Аркадьевны, и того научного коллектива, частью которого она себя считала — гоголевской группы ИМЛИ РАН, трудившейся под руководством Ю.В. Манна, затем — Е.Е. Дмитриевой.

Эпиграфом к нашему исследованию могут стать строки из письма самой Ирины Аркадьевны, характеризующие труд филолога-комментатора: «Мы все в этом деле только ищем возможные пути. Каждый комментарий складывается очень трудно, тяжело. У нас только Юрий Владимирович в лучшие годы как-то точно попадал в суть, жанр и интонацию. Я была поражена, когда недавно он мне сказал, что порой (в трудных случаях) писал только несколько фраз в день. Я спросила, почему, а он ответил: “Я обдумывал каждое слово”» (19.07.2021)⁵.

⁴ Некролог ИМЛИ РАН с прискорбием сообщает... // Сайт ИМЛИ РАН. URL: <https://imli.ru/news-2024/6058-imli-ran-s-priskorbiem-soobshchaet-o-tom-chto-7-avgusta-ushla-iz-zhizni-irina-arkadevna-zajtseva> (дата обращения: 17.01.2026)

⁵ Здесь и далее личные письма И.А. Зайцевой цитируются по личному электронному архиву автора статьи с указанием даты письма в круглых скобках после цитаты.

Текстология и история текста

Задачам, которые приходится решать текстологам и составителям историко-текстового комментария к гоголевским текстам, посвящена статья И.А. Зайцевой «Проблемы публикации писем Гоголя 1820–1824 гг.». Среди этих задач — «розыск гоголевских автографов в отечественных и зарубежных архивах» [9, с. 79]; обретение полноты источников и проверка их достоверности; выбор и обоснование текстологического варианта из множества возможностей, представленных различными версиями одного и того же текста.

Проблема *разыскания оригиналов текстов* Гоголя (как художественных произведений, так и писем) возникла в связи с тем, что в военные годы гоголевские рукописи были эвакуированы и затем оказались разбросаны по разным архивам Москвы, Петербурга, Киева и др. В дореволюционное время рукописи также переходили из одного частного собрания в другое, поскольку наследники Гоголя часто дарили его автографы частным лицам. Истории розыска только одного письма Гоголя родителям, условно датированного августом 1822 г., посвящена большая статья И.А. Зайцевой в 4-м выпуске сборника «Н.В. Гоголь: материалы и исследования». Изложение истории поиска подлинника гоголевского письма само по себе становится историко-художественной задачей. Не лишая научную статью всех необходимых ссылок и подробностей, Ирина Аркадьевна заставляет читателей с замиранием сердца следить за судьбой культурного наследия, переходя от отчаяния к надежде. «Письмо Гоголя (ученика четвертого класса) родителям было подарено Н.В. Быковым соученику по кадетскому корпусу Любомиру Христичу и впоследствии вывезено последним в Сербию, где было передано в национальную библиотеку Белграда» [8, с. 55]. Однако столь прямой поисковый ход приводит к тупик: архивные разыскания в Сербии не дают результата — «здание библиотеки во время Второй мировой войны подвергалось бомбардировкам и практически было разрушено, большая часть хранившихся в нем материалов погибла» [8, с. 57]. Но уже в следующем разделе статьи, казалось бы, безвозвратно утерянное письмо воскресает, как феникс из пепла, чему способствует фотокопия, хранящаяся в личном фонде С.Н. Дурылина: «Благодаря этому уникальному источнику мы имеем подлинный текст гоголевского письма родителям, содержащий ответы на все возникавшие прежде вопросы» [8, с. 58]. Подчеркнем важнейшую способность комментатора-текстолога не только к архивным поискам, но и к построению нарратива, который, преодолевая хаос исторических

и житейских случайностей, позволяет и исследователю, и читателю увидеть логику поиска и сформулировать его внятный результат.

Обретение полноты источников и проверка их достоверности были осознаны как фундаментальные задачи текстологии еще в академических дискуссиях 1950-х гг.⁶, в современной ситуации подготовка академического собрания сочинений русских классиков осложняется необходимостью соотнесения новой версии печатного текста с текстологическими решениями предшественников. Текстологу важно не только преодолеть «гипноз» чужого восприятия рукописи, но и включить в поле своего внимания все рукописные и печатные версии того или иного текста, которые в процессе подготовки даже посмертной публикации могли иметь контакт с утраченным по тем или иным причинам автографом. Для подготовки текстов академического тома цензурные копии имеют значение в первую очередь при утрате автографа. Если он сохранился, то цензурные копии рассматриваются как резервный источник, а автограф — как основной. В статье «Проблемы публикации писем Гоголя 1820–1824 гг.» И.А. Зайцева ставит вопрос о возможности использовать в качестве источника для публикации «цензурную рукопись, сформировавшуюся к 1857 г., то есть по прошествии пяти лет после ухода Гоголя из жизни» [9, с. 81]. Чтобы ответить на этот вопрос, она предлагает сложный метод верификации, включающий в себя сопоставление писарских копий с сохранившимися автографами других писем, классификацию выявленных расхождений, идентификацию разного рода помет, которыми отмечена цензурная копия, и приходит к выводу, что «цензурный экземпляр издания Кулиша, представляя огромную самостоятельную ценность, является авторитетным текстологическим источником для гоголевских писем, автографы которых утрачены (или не разысканы)» [9, с. 86]. Отметим не только скрупулезность личной текстологической работы И.А. Зайцевой, но и важный принцип, который формируется по мере удаления времени написания текстов от времени их переиздания: закон опоры на последний авторизованный источник перестает быть абсолютным в ситуации, когда ветшают рукописи, гаснут чернила и карандаш. В поле внимания текстологов попадают источники, прежде считавшиеся вторичными, менее достоверными. В частности, поэтому коллективом Полного собрания сочинений было принято решение указывать в комментариях к письмам наличие цензурных

⁶ См., например, высказывание Ю.Г. Оксмана на совещании ИМЛИ и ИРЛИ РАН по вопросам текстологии 10–13 мая 1954 г.: «Подлинно академическим изданием является издание, основанное на критическом изучении всех первоисточников, связанных с творчеством того или иного писателя (первоисточников печатных и рукописных)» [17, с. 401].

копий гоголевских эпистолярных текстов даже в тех случаях, когда сохранились их автографы, несмотря на то что лично писатель их, конечно, не видел и не правил [9, с. 86].

Сложность решения третьей задачи — *выбора текстологического варианта для публикации* — раскрыта И.А. Зайцевой в статье «"Тридцать пять тысяч курьеров" ("сцена вранья" в гоголевском "Ревизоре": история создания и публикации)». Публикации «Ревизора» предшествовали три редакции: две черновых и одна сценическая. За первым изданием 1836 г., авторизованным Гоголем, последовало второе издание 1841 г. и третье издание 1842 г. в составе четырехтомного собрания сочинений писателя, в котором «кардинально выправлен уже весь текст "Ревизора"» [10, с. 170]. Как отмечает И.А. Зайцева, «текстолог неизбежно оказывается в ловушке, стиснутый между двумя источниками: исправленным самим автором текстом первого издания (то есть авторизованным источником, почти автографом) и печатным текстом, обладающим высоким статусом прижизненного издания (правда, при отсутствии сведений об авторском чтении корректур)» [10, с. 173]. Доверие гоголеведов-текстологов к изданию 1842 г. оказалось подорвано плохим качеством копий переписчиков и вмешательством Н.Я. Прокоповича, редактировавшего текст с разрешения Гоголя, который в это время находился за границей. Поэтому «история изданий "Ревизора" демонстрирует последовательное, но твердое стремление приблизить публикуемый текст к последнему авторизованному источнику» [10, с. 177]. Однако гоголевская группа, готовящая новое издание Полного собрания сочинений и писем писателя, заново проделала работу по сличению всех имеющихся вариантов и приняла оригинальное текстологическое решение: «"Ревизор" напечатан здесь по выправленному автором тексту первого издания <...> с учетом авторских исправлений статьи "Характеры и костюмы", последнего явления и "Немой сцены" (сообщенных в письме Гоголя Н.Я. Прокоповичу от 15 (27) июля 1842 г.), а также эпизода "управления департаментом"» [10, с. 181]. Гипотетически допускается, что правка последней сцены, которая в редакции 1842 г. значительно отличается от более ранней версии, тоже могла быть произведена в письме, текст которого не сохранился.

Обосновывая в своей статье решение, принятое относительно эпизода «управления департаментом», И.А. Зайцева демонстрирует, какие авторские тенденции проявляются на каждом новом этапе работы Гоголя над текстом «сцены вранья». Если «основные линии намечены сразу» и представляют собой «творимую на наших глазах "самохарактеристику"» [10, с. 164], которая разворачивается как добровольная «анкета» чиновника (чин, круг обязанностей, круг

общения, имущество и т. п.), то в процессе редактирования Гоголь стремится показать психологическую и духовную природу вранья Хлестакова — его «самовозвышение обретает безудержные формы» [10, с. 170], что влияет на стилистику, грамматику, темп речи героя. Именно эта тенденция оказывается максимально проявлена в редакции 1842 г., что позволяет решить «самую большую текстологическую загадку гоголевской комедии» [10, с. 181] в пользу публикации фрагмента «управления департаментом» по редакции 1842 г.

Ирина Аркадьевна критикует «текстологическую концепцию, абсолютизирующую принцип так называемой “чистой” публикации (по одному источнику, без смешений и контаминаций)» [10, с. 176], противопоставляя ей стремление к «воспроизведению такого текста, который хотел представить сам автор» [10, с. 182]. Отметим, что текстологи Полного собрания сочинений не следуют механически и принципу «последней авторской воли»⁷ (что обнаруживает, в частности, решение опубликовать «петербургские повести» и в составе «Арабесок», и в составе отдельного тома), но апеллируют к категории «логика пути писателя» [4, т. 3, с. 482], для определения которого «необходим со стороны исследователя акт художественной критики» [4, т. 3, с. 483]⁸.

Метод, который использует И.А. Зайцева и для исследования, и для изложения текстологического материала, можно назвать методом поиска «ключа». Не случайно при анализе творческой истории текста «Ревизора» она выбирает «сцену вранья» Хлестакова, которая является «абсолютным композиционным центром комедии», и фразу про «тридцать пять тысяч курьеров», которая «выделяется особым звучанием и особой судьбой» [10, с. 163]. Именно верно найденный «ключ» позволяет распутать сложный узел состоявшихся и несостоявшихся возможностей развития текста, выявить в нем смысл, внятную авторскую интенцию и описать побочные, не реализованные по тем или иным причинам линии сюжетного и образного развития.

«Комментарий к “Выбранным местам” и <Авторской исповеди> очень сложен. Самое главное — найти “формат”, ключ. Это очень трудно» (15.07.2021) — таков был совет и завет И.А. Зайцевой коллегам из Петербурга.

⁷ Обзор дискуссий 1950-х гг. о категории «последней авторской воли» см. в статье М.А. Фролова, вводящей в научный оборот обширные фрагменты стенограммы совещания ИМЛИ и ИРЛИ РАН по вопросам текстологии, сохранившейся в архиве РАН [17].

⁸ Отказ от понятий «канонический», «основной» текст, «последняя авторская воля» и представление о принципиальной незавершенности творческого процесса можно считать мировоззренческой особенностью комментаторских стратегий собственно XXI в., так же как и особое внимание к авторской индивидуальности: «А главное, к каждому русскому писателю необходимо подходить индивидуально, принимая во внимание не только эпоху, когда он жил, но и особенности его личности, писательской манеры, индивидуального стиля и словаря, тематики его творчества» [15, с. 197].

Критическая рецепция

Творчество того или иного писателя в зеркале критической рецепции его современников — важный раздел программы любого комментария. Ю.В. Манн сформулировал принцип полноты, который распространяется и на охват тем («темы совершенно упущенные или вскользь затронутые в предшествующих изданиях <...> должны занять свое законное место» [12, с. 106]), и на воспроизведение критической рецепции («отражение всех прижизненных рецензий и статей и главнейших отзывов и статей, специально посвященных Гоголю» [12, с. 107]). В своих письмах Ирина Аркадьевна ставила на первое место композиционную подачу материала («Критику я только просмотрела, поскольку мне показалось, что этот материал еще в работе. Он тоже удачно выстроен» (15.07.2021) и ясность изложения мысли (ее критике подвергались сложные конструкции с попыткой говорить одновременно о стиле, жанре и истории работы над текстом — «очень разные мысли для одной фразы»). Она с осторожностью относилась к современным литературоведческим концепциям, полагая, что они еще должны пройти проверку временем: «Комментарий об интерпретации <Авторской исповеди> в критике и литературоведении кажется вполне сложившимся. Есть мелочи. Они отмечены прямо в тексте. Субъективное (очень) пожелание — лаконичнее освещать современное литературоведение. Но это моя старая позиция, которая никогда не была поддержана» (05.01.2022).

Собственные статьи И.А. Зайцевой позволяют увидеть, что момент встречи двух самобытных авторских миров требует не только внятного изложения и грамотного воспроизведения биографического контекста, но и ставит комментатора перед задачей выявления характера герменевтической, а иногда и экзистенциальной связи двух личностей. Примером подобного тонкого анализа самой Ирины Аркадьевны может служить ее статья ««Великий поэт, великий художник был передо мною...» (Гоголь в мемуарах И.С. Тургенева)».

Первый абзац статьи напоминает нам о драматизме литературной судьбы Гоголя, лишённого «того творческого и биографического контекста второй половины столетия, на который мог рассчитывать по времени своего рождения» [7, с. 365], и задает возрастные, историко-литературные и психологические параметры его встречи с Тургеневым.

Воспоминания Тургенева о трех встречах с Гоголем И.А. Зайцева рассматривает как «мемуарный художественный текст» [7, с. 366], в котором поэтика Тургенева проявилась в концентрированном выра-

жении. В исследуемых мемуарах она находит ряд характерных тургеневских приемов: «воскрешение былого, пристальное вглядывание в него, одухотворение прошедшего» [7, с. 366]; «технику создания портрета: мизансцена, поза, предметы, одежда» [7, с. 367]; «резкое хронологическое переключение» и «прием прерванного описания» [7, с. 367]; «объемное сравнение двух Гоголей» [7, с. 368], разделенных большим промежутком времени; «психологический портрет чрезвычайной точности» [7, с. 369]; использование слов «испытый» и «существо», имеющих в тургеневском мире особую смысловую наполненность; последовательную позицию повествователя-наблюдателя, гуманного, но одновременно точного и подчас жестокого. Тургенев — художник, принадлежавший к иной, чем Гоголь, эпохе, прошедший школу описательного натурализма, фиксирует детали с беспристрастной, почти научной точностью и в то же время остается верен иррациональным началам жизни, а потому способен увидеть в своем герое «элемент — загадочности, внутренней интриги» [7, с. 369].

Не менее важно, что исследование особенностей «концентрированной поэтики» Тургенева для автора статьи не является самоцелью; одновременно происходит выявление того, что тургеневская оптика позволила увидеть в Гоголе. Несколько раз Ирина Аркадьевна подчеркивает, что Тургенев опознает в Гоголе то, что знать и понимать не может, не будучи близко знаком с последним: «Тургенев, скорее всего, не мог знать всех мучительных и долгих переживаний автора “Ревизора” <...> но психологически безошибочно, интуитивно уловил состояние Гоголя» [7, с. 367]; «Тургенев рисует Гоголя в явно трудный, в чем-то критический для последнего момент, но об истинных причинах происходящего ничего не сообщает, да и не может сообщить» [7, с. 369]. Ее собственное глубокое знание биографии и внутреннего мира Гоголя как бы верифицирует интуитивные догадки Тургенева. В результате она приходит к выводу, что «...странность (своего рода сложный мировоззренческий и психологический синтез), представшая на ту пору глазам мемуариста», вероятно, составляла суть увиденного им героя [7, с. 375]. Три эпизода мемуаров Тургенева о его встречах с Гоголем выявили «триединую суть гоголевской природы»: «почти постоянное желание душевно затвориться, укрыться — сбивчивость и в прямом смысле разноречивость в ситуации вынужденного общения — ощущение авторского счастья в моменты творческого раскрепощения» [7, с. 373]. При этом способность Тургенева воссоздавать «хронотоп прошедшего во всех подробностях обстоятельств и чувств» [7, с. 373] и улавливать его присутствие в настоящем позволяет писателю второй половины

XIX века зафиксировать и во внутреннем мире Гоголя сложную ситуацию, когда «прежнее не уходит и не уступает своего места новому, но причудливо сосуществует с ним» [7, с. 374].

Статья И.А. Зайцевой демонстрирует нам, что комментарий, представляющий критическую рецепцию того или иного текста, призван быть не просто связным и последовательным изложением содержания критических статей и мемуарных отзывов, но сложным высказыванием комментатора, представляющим обе стороны герменевтического процесса и выявляющим особенности личности и художественного мира комментируемого автора сквозь призму мировоззрения и поэтики его литературного критика.

Реальный комментарий

Создание реального комментария И.А. Зайцева считала наиболее сложной задачей. Сходную обеспокоенность судьбой именно реального комментария высказал, в частности, К.А. Баршт в дискуссии с К.Г. Исуповым [6] в статье «О направлениях и пределах комментирования художественного текста»: «Восстановление значений семантически сдвинутых слов, особенно обозначающих опорные понятия художественной системы писателя, — одна из главных задач комментария, который должен чутко улавливать и фиксировать смысловые провалы, образующиеся между сегодняшним днем и прошедшими культурными эпохами» [1, с. 283]. Но именно в этом вопросе отсутствуют объективные академические критерии и ответственность ложится на автора комментария, который «обязан быть беспристрастным и квалифицированным судьей» [1, с. 283].

Проблемам реального комментария были посвящены особые письма И.А. Зайцевой, адресованные гоголевской группе, работавшей в Петербурге. В них она, в частности, писала: «Более сложный вопрос — реальный комментарий к “В<ыбранным> м<естам>” и <Авторской исповеди>, его задачи и границы. Т. е. основной проблемой здесь остается проблема формата. Она, как мне кажется, не решена. Прежде мы не сталкивались с комментированием текстов, в которых бы столь большую часть составляли мировоззренческие реалии. Найти способ комментирования очень сложно. Готовых “рецептов” нет. Могу только рассуждать вместе со всеми, искать решение» (05.01.2022).

Как и в случае с подачей текстологического материала, Ирина Аркадьевна предлагала *найти «ключ»*, основной принцип, организующий реальный комментарий к текстам особой жанровой природы: «Я бы, наверное, сделала основной опорой тексты Гоголя: письма (прежде всего), статьи, художественные произведения. Объем цитат — дело вну-

тренней гармонии» (15.07.2021). Прямая соотнесенность «Выбранных мест...» и <Авторской исповеди> с письмами писателя стала безусловным свидетельством автодокументальной природы комментируемых текстов, что признается сегодня большинством исследователей.

Второй принцип реального комментария, о котором писала Ирина Аркадьевна, — его *целостность*. Комментарий ко всем томам Полного собрания сочинений Гоголя она рассматривала как единый метатекст, пронизанный взаимными переключками и аллюзиями, увидеть которые читатели должны благодаря комментаторам: «Многие сюжеты уже прописаны в наших томах, подробно. В этих случаях я бы писала коротко и ссылалась на комментарии. Но если есть цитаты из писем, приводила бы»; «Это касается не только произведений, но и имен: Пушкин (в связи с “Ревизором” и “Мертвыми душами”), Сервантес. В вышедших комментариях многое уже отражено» (15.07.2021). Принцип целостности комментария основывался на глубокой убежденности в целостности личности и творчества Гоголя, в преодолении идеи резкого религиозного перелома, раскола, разделяющего творческий путь писателя на ранний, собственно художественный, и поздний — религиозно-публицистический — этапы.

И.А. Зайцева выработала свою *типологию реалий*, требующих комментирования. Помимо реалий, традиционно попадающих в поле внимания комментаторов, — исторических и литературных событий и фактов, цитат и аллюзий, — Ирина Аркадьевна выделяла реалии «мировоззренческие». По их поводу она писала: «Основную часть я бы распределила между “общим” комментарием и преамбулой к реальному комментарию. Для “общего” комментария я бы просто выписывала темы, чтобы потом их подробно раскрыть. В самом комментарии к реалии я бы в случае необходимости ссылалась на общий раздел и останавливалась бы только на конкретном. Т. е., например, в реалии о спорах общую часть о славянофилах перенесла бы в специальный раздел и завела речь только о спорах как таковых» (5.01.2022). Характерно желание, с одной стороны, помочь читателю вникнуть в образ мирочувствования Гоголя, а с другой — не навязывать ему своих интерпретаций, опираться в первую очередь на слово самого писателя: «Очень много общих тем: веселость, комизм, тоска, смех. Уйти в раскрытие этих вопросов практически нереально. Опять же я бы опиралась на гоголевские тексты» (15.07.2021); «Комментируются реалии, к которым можно “привязать” параллельные цитаты из писем Гоголя и других его текстов: “Эта мысль развивается в письме Гоголя от...”; “Этот тезис был развит в письме Гоголя от...”» (05.01.2022). Предлагая рассматривать все творчество Гоголя как единый текст, а весь комментарий к нему как единый метатекст, И.А. Зайцева находит

подход к разрешению одной из существенных задач современного комментирования — попытке отказаться от навязывания классическому тексту привнесенных извне смыслов: «...главное отличие комментария от интерпретации заключается в том, что комментарий исключает вчитывание — привнесение в метатекст дополнительных, необязательных для понимания смыслов, которые превращают его в “поэтическое истолкование” текста-объекта» [14, с. 711]. Чаще всего эта задача решается за счет предъявления всей множественности интерпретаций [16, с. 4], что непомерно увеличивает объем комментариев. Подход Зайцевой основан скорее на принципе автокомментирования, органично присущем поэтике Гоголя, когда «право» истолковывать те или иные реалии предоставляется самому писателю⁹.

Отметим, что И.А. Зайцева понимала комментарий как особый жанр, обладающий устойчивым рядом признаков: «Текст полностью “попал” в жанр комментария: стиль, темп, фактическая насыщенность, летописность, выверенность формулировок». В другом письме о жанре комментария она писала апофатически, различая его со смежными, но не тождественными жанрами научной статьи и исторического повествования: «Еще одна проблема — жанр. Здесь важно уходить от жанра статьи, жанра нарратива к жанру комментария: лаконичному, сжатому» (05.01.2022). Смысловая емкость как отличительная жанровая черта комментария сближает его с жанром словарной статьи, но и здесь нет полного тождества. Так, Ирина Аркадьевна часто писала о взвешивании каждого слова, о необходимости искать точные и сжатые формулировки: «С этим связана еще одна проблема — формулировочная. Это очень трудоемкая вещь, затратная по времени. Здесь есть что-то общее со стилем словарной статьи, фраза которой стремится вобрать в себя максимум информации при краткости выражения» (05.01.2022). При этом, в отличие от словарной статьи, реальный комментарий должен иметь живую и очевидную связь с той реалией из текста Гоголя, к которой он относится, не разрушать своим объективизмом и рационализмом художественную природу комментируемого слова. Отсюда важность «мостиков», «закрепок», связывающих реалию и текст комментария:

⁹ Вопрос о допустимости и мере авторского, субъективного прочтения текста в комментарии является предметом постоянных дискуссий. Так на круглом столе к 75-летию Вяч.Вс. Иванова «Текст и комментарий» прозвучали высказывания М.Б. Мейлаха, что «позитивистский», «объективный» комментарий «противоречит глубинной сути комментария как “со-разумения”, вступающего в диалог с текстом и непременно субъективно» [15, с. 47], и Н.А. Богомолова, согласно которому «субъективность комментария должна быть сведена к минимуму. <...> любой художественный текст многозначен, а комментаторское чтение — лишь одно из множества возможных, и оно не должно закрывать другие» [15, с. 73]. Гоголевская группа ИМЛИ придерживается принципа максимальной объективности, связанного с уходом от всяческих идеологических оценок, от стремления направлять и формировать читательское восприятие текста [12, с. 108–109].

«Очень важны начальные слова каждого комментария. Иногда можно начать сразу, но в других случаях нужно какое-то крошечное начало (буквально несколько слов). При этом связь закрепки с комментарием очень существенна с первых же его слов» (15.07.2021).

Поиск единственно точного слова¹⁰ для комментария становится по сути не только научной, но и эстетической задачей, решение которой возможно при тонком внутреннем проникновении в художественный мир комментируемого писателя. Отсюда призывы не жалеть времени на формулирование мысли, обдумывание каждого слова: «Кажется, что это еще не вполне завершенный труд: не все отформулировано, отлажено и т. д. Это требует больших усилий. Все мы испытываем бесконечные затруднения, несколько раз возвращаемся к одному и тому же» (15.07.2021). С другой стороны, в этом внимании Ирины Аркадьевны к формулировкам можно увидеть особую ответственность за адекватный ответ «культуры в определенной точке своего исторического развития на вызов той оригинальной модели мира, которую несет художественный текст» [1, с. 287].

Комментаторская этика

Понятие «научной этики» комментатора было введено Д.С. Лихачевым в работе «Текстология». Он отмечал: «Этика комментирования состоит в уважительном отношении к читателю, которое выражается в том, чтобы точно знать его запросы, ответственно на них отвечать, не “мошенничать” по мелочам, притворяясь слепым к трудно поддающимся объяснению местам текста»¹¹. И.А.Зайцева была человеком чрезвычайно чутким к этическим вопросам, которые обострились в эпоху изменившихся условий научно-комментаторского труда. Ее очень тревожила необходимость делать сложную комментаторскую работу в сжатые сроки, что неизбежно сказывалось на ее качестве: «Условия нашей работы теперь очень резко меняются. На труд (том, монография, сборник статей — все едино) дают только три года. Разделить том на два этапа (по три года) у нас не получилось. <...>. Приготовить академический том за три года (а по сути за два с половиной) практически нереально. На чтение корректуры теперь времени не дают. Что поделаешь?» (05.06.2018).

Проблема объема комментария, во все времена стоявшая перед комментаторскими коллективами, была, конечно, знакома и Ирине Аркадьевне, о чем она предупреждала нас, как своих менее опытных

¹⁰ О точности троякого рода: «точности данных», «точности попадания в коммуникативную цель» и «стилистической точности изложения» — см.: [1, с. 289].

¹¹ Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Изд-е 2-е. Л.: Наука, 1983. С. 541.

коллег: «...еще приходится следить за объемом. Вот мы так размахнулись с комментариями к письмам, что сейчас сокращаем. И идем уже по третьему кругу. Это сложная работа, т<ак> к<ак> некоторые фрагменты просто переписываем» (19.07. 2021).

В ситуации, когда прежняя академическая стабильность по не зависящим от научных коллективов обстоятельствам была утрачена, Ирина Аркадьевна предлагала делать ставку на два фактора: личную инициативу каждого ученого и умение работать вместе, поддерживая и дополняя друг друга. Обращаясь лично к автору этих строк, она писала: «Все размышляю. Надумала пока только одно. Спасение только в личной инициативе. Если Вы сейчас располагаете хоть каким-то временем, прокомментируйте одно письмо из “Выбранных мест”: интересное для Вас, любимое. Вы сразу сможете погрузиться во все проблемы именно этого формата, почувствовать его сложности, наметить возможные пути решения» (01.05.2022). При этом она не только предлагала свою высокопрофессиональную и в то же время дружескую помощь, но и делилась опытом совместной работы, обретенным за долгие годы работы в ИМЛИ РАН: «Во избежание излишних психологических травм можно стараться обсуждать и максимально дотягивать работу внутри авторского коллектива, т. е. читать одному редактору, другому, <...> возвращать на доработку, снова читать. В словаре “Русские писатели” работа всегда шла именно так: автор — редактор — автор (несколько раз), потом один рецензент, доработка, второй рецензент, доработка. Самый большой опыт я приобрела именно у них и очень им благодарна» (01.03.2022). Еще одной формой соборного научного творчества были для И.А. Зайцевой «коллективные обсуждения», к участию в которых она всегда активно приглашала и за полученные в процессе которых рекомендации искренне благодарила: «Решила все-таки написать по поводу формата коллективного обсуждения. Мы прибегали к нему всегда, видя в нем единственный способ решения сложных проблем. Говорится все всегда довольно прямо» (01.03.2022).

Ирина Аркадьевна очень дорожила «уравновешенной обстановкой» (30.04.2022) в гоголевской группе и призывала «стараться щадить друг друга» (01.03.2022), что не мешало ей требовать от других и от себя качества и научной весомости комментаторской работы. Она верила в ценность и значимость комментаторского труда, в то, что издание классиков определяет развитие отечественной культуры и способно внести смысл в жизнь занимающегося этим человека: «Вкладываться в том — это не пустое дело. Он надолго остается. Вес его велик» (01.03.2022). Вес этот определяется не только необходимостью зафиксировать текстологические, критические и литературоведческие изыскания, но и возможностью выявить лик настоящего времени, определяющий новое восприятие класси-

ческого текста, а также открыть для современников обновленный путь понимания художественного мира Гоголя. По мысли К.А. Баршта, «если отсутствие осознанного интереса к комментированным изданиям классиков выражает духовную инвалидность общества, то развитая потребность в комментированных изданиях указывает на рост национального самосознания» [1, с. 302].

Заключение

Перечислим те комментаторские «стратегии», которые позволяет выявить рефлексия И.А. Зайцевой по поводу своей работы, представленная в ее статьях и личных письмах.

1) Опора на опыт предшествующих поколений комментаторов и издателей с его критической перепроверкой и максимально возможным в ситуации «гаснувших» рукописей расширением круга первоисточников. Сформулированный Ю.Г. Оксманом принцип «критического изучения первоисточников» [17, с. 401] продолжает оставаться фундаментальным принципом работы научного коллектива ИМЛИ, базой для принятия любых текстологических решений и материалом для достоверных научных построений.

2) Отказ от абсолютизации текстологических принципов «чистой публикации» и «последней авторской воли», стремление выявить и предъявить читателю особенности индивидуального творческого процесса, что определяет и конкретные текстологические решения, и способ расположения материалов в составе собрания сочинений.

3) Использование герменевтического подхода в передаче критической рецепции классического текста, что позволяет выявить как горизонты восприятия той или иной эпохи, так и вечную новизну текста первоисточника.

4) Осмысление жанровых границ «научного комментария», отличающих его от научного исследования, словарной статьи, исторического нарратива и включающих как научные (фактическую точность и насыщенность, летописность), так и эстетические (стиль, темп, выверенность формулировок) критерии.

5) Поиск соответствующего авторскому замыслу и поэтике комментируемого текста «ключа», позволяющего внутренне осмыслить и внешне организовать большой текстологический и реально-исторический материал.

Завершить наше исследование-воспоминание хочется словами благодарности Ирине Аркадьевне — за высокопрофессиональные труды, за научную школу, за дружескую помощь. «К сожалению, — писала Ирина Аркадьевна в одном из писем, — жизнь преподносит

испытания и проблемы...». Для многих из нас таким испытанием стал ее уход. «Спасение от этого только в одном — непрерывность работы, которая не позволяет застать врасплох» (30.04.2022).

Литература

1. *Барит К.А.* О направлениях и пределах комментирования художественного текста // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 280–303.
2. *Березкин А.М.* Когнитивные и прикладные аспекты современной текстологии // Русская литература. 2005. № 1. С. 67–80.
3. *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 70–74.
4. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009.
5. *Дмитриева Е.Е.* Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая // Проблемы текстологии и эдичионной практики: Опыт французско-русских исследователей / под общ. ред. М. Делона, Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 33–50.
6. *Исупов К.* Вненаходимость комментатора // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 2–19.
7. *Зайцева И.А.* «Великий поэт, великий художник был передо мною...» (Гоголь в мемуарах И.С. Тургенева) // Неевклидова геометрия Юрия Манна: памяти ученого / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 364–375. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0754-0-364-375>
8. *Зайцева И.А.* Письмо Гоголя родителям от августа 1822 года (история публикации, судьба автографа, источники текста) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 4. С. 49–62.
9. *Зайцева И.А.* Проблемы публикации писем Гоголя 1820–1824 гг. (цензурный экземпляр пятого тома Сочинений и писем Н.В. Гоголя издания П.А. Кулиша как текстологический источник) // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: сб. ст. по мат. Междунар. научн. конф. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 78–88.
10. *Зайцева И.А.* «Тридцать пять тысяч курьеров» («сцена вранья» в гоголевском «Ревизоре»: история создания и публикации) // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ, 2019. Вып. 2 / отв. ред. М.И. Щербакова. С. 163–190.
11. *Зенкин С.* Комментарий и его двойник // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 75–81.
12. *Мани Ю.В.* Н.В. Гоголь: академический комментарий в поисках жанра // Проблемы текстологии и эдичионной практики: Опыт французско-русских исследователей / под общ. ред. М. Делона, Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 103–111.
13. *Морозов С.Н.* Вопросы комментирования ранних рассказов И.А. Бунина 1887–1902 гг. // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 194–213. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-194-213>
14. *Степанов А.Д.* Типология непонимания текста и задачи комментирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19 (4). С. 710–719. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.404>

15. Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 2006. 420 с.

16. *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

17. *Фролов М.А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен...»: Неопубликованные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 384–436. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-9-384-436>

18. *Чудаков А.* К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник / сост. Игорь Ложилов, Ирина Сурат. М.: Три квадрата, 2005. С. 210–237.

Research Article

“Considering Every Word”: In Memory of Irina Zaitseva

© 2026. Yulia V. Balakshina

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russia
St. Philaret Christian Orthodox Institute,
Moscow, Russia

Abstract: This article examines the commentary practices of Irina Arkadyevna Zaitseva (1951–2024), a leading research fellow at the Department of Russian Literature of the Institute of World Literature (IWL RAS), who worked as part of the Institute’s academic team on the preparation of the Complete Works of Nikolay Gogol. The material for the article draws on I.A. Zaitseva’s scholarly writings, which contain reflections on her own experience as a commentator, as well as her personal correspondence with the author of this publication. The study describes various commentary strategies employed by Zaitseva in tracing the history of the text, identifying and presenting its critical reception, and compiling the realia commentary. A separate section of the article is devoted to the ethics of commentary. The article formulates the principles that guided Zaitseva in her work. These include a creatively critical approach to the legacy of previous generations of commentators; reliance on firsthand study of primary sources, with the possibility of expanding their corpus in cases of “fading manuscripts”; a commitment to uncovering and presenting to the reader the distinctive features of the individual creative process; the use of a hermeneutic approach in conveying the critical reception of a classical text; a clear distinction between “scholarly commentary” and a scholarly or dictionary article; adherence to both scholarly criteria (factual accuracy and richness, an annalistic quality) and aesthetic requirements (style, tempo, precision of wording) for the commentary text; and the search for a “key” that would reveal the specific poetics of the text under study and determine the most effective manner of presenting the research material. The article also addresses Zaitseva’s personal intellectual stance, as she

actively believed in the value and significance of commentary work, holding that the publication of classics shapes the development of national culture and national identity.

Keywords: textual scholarship, commentary, text history, realia commentary, Nikolay Gogol, Irina Zaitseva

Information about the author: Yulia V. Balakshina, DSc in Philology, Professor, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, 1-ia liniia Vasilevskogo ostrova St., 52, 199004 St. Petersburg, Russia; Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute, Tokmakov Pass., 11, 105066 Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

E-mail: jbalaksh9@gmail.com

For citation: Balakshina, Yu.V. “‘Considering Every Word’: In Memory of Irina Zaitseva.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 429–447. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-429-447>

References

1. Barsht, K.A. “O napravleniakh i predelakh kommentirovaniia khudozhestvennogo teksta” [“On the Directions and Limits of Commenting on a Literary Text”]. *Voprosy literatury*, no. 5, 2009, pp. 280–303. (In Russ.)
2. Berezkin, A.M. “Kognitivnye i prikladnye aspekty sovremennoi tekstologii” [“Cognitive and Applied Aspects of Modern Textual Criticism”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2005, pp. 67–80. (In Russ.)
3. Gasparov, M.L. “Iu.M. Lotman i problemy kommentirovaniia” [“Yu.M. Lotman and the Problems of Commenting”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (66), 2004, pp. 70–74. (In Russ.)
4. Gogol, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: in 23 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2009–. (In Russ.)
5. Dmitrieva, E.E. “Izdanie Gogolia: problema eticheskaiia, esteticheskaiia, tekstologicheskaiia” [“Gogol’s Edition: An Ethical, Aesthetic, and Textual Problem”]. *Problemy tekstologii i editisionnoi praktiki: Opyt frantsuzsko-russkikh issledovatelei* [Problems of Textual Criticism and Editorial Practice: The Experience of French-Russian Research], ex. ed. by M. Delon and E.E. Dmitrieva. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 33–50. (In Russ.)
6. Isupov, K. “Vnenakhodimost’ kommentatora” [“The Commentator’s Otherness”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2008, pp. 2–19. (In Russ.)
7. Zaitseva, I.A. “‘Velikii poet, velikii khudozhnik byl peredo mnoiu...’ (Gogol’ v memuarakh I.S. Turgeneva)” [“‘A Great Poet, a Great Artist Was Before Me...’ (Nikolai Gogol in the Memoirs of Ivan Turgenev)”]. *Neevklidova geometriia Iurii Manna: pamiati uchenogo* [The Non-Euclidean Geometry of Yuri Mann: In Memoriam], ex. ed. by E.E. Dmitrieva. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 364–375. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0754-0-364-375> (In Russ.)
8. Zaitseva, I.A. “Pis’mo Gogolia roditeliam ot avgusta 1822 goda (istoriia publikatsii, sud’ba avtografa, istochniki teksta)” [“Gogol’s Letter to His Parents Dated August 1822 (Publication History, Fate of the Autograph, Sources of the Text)”]. *N.V. Gogol’: Materialy i issledovaniia* [N.V. Gogol: Materials and Research], vol. 4. Moscow, IW RAS Publ., 2019, pp. 49–62. (In Russ.)
9. Zaitseva, I.A. “Problemy publikatsii pisem Gogolia 1820–1824 gg. (tsenzurnyi ekzempliar piatogo toma Sochinenii i pisem N.V. Gogolia izdaniia P.A. Kulisha kak tekstologicheskii istochnik)” [“Problems of Publishing Gogol’s Letters from 1820–1824

(The Censored Copy of the Fifth Volume of N.V. Gogol's Works and Letters Published by P.A. Kulish as a Textual Source)"]. *Voprosy istochnikovedeniia i tekstologii russkoi literatury XIX veka: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Issues of Source Studies and Textual Analysis of 19th-Century Russian Literature: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 78–88. (In Russ.)

10. Zaitseva, I.A. "‘Tritsats’ piat’ tysiach kur’erov’ (‘tsensura vran’ia’ v gogolevskom ‘Revizore’: istoriia sozdaniia i publikatsii)"] [“‘Thirty-Five Thousand Couriers’ (‘The Scene of Lies’ in Gogol’s ‘The Inspector General’: The History of Creation and Publication)"]. *Ot istorii teksta k istorii literatury* [From the History of the Text to the History of Literature], vol. 2, ex. ed. M.I. Shcherbakova. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 163–190. (In Russ.)

11. Zenkin, S. "Kommentarii i ego dvoinik" ["Commentary and Its Double"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (66), 2004, pp. 75–81. (In Russ.)

12. Mann, Iu.V. "N.V. Gogol’: akademicheskii kommentarii v poiskakh zhanra" ["N.V. Gogol: Academic Commentary in Search of a Genre"]. *Problemy tekstologii i editSIONnoi praktiki: Opyt frantsuzsko-russkikh issledovatelei* [Problems of Textual Criticism and Editorial Practice: The Experience of French-Russian Research], ex. ed. M. Delon and E.E. Dmitrieva. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 103–111. (In Russ.)

13. Morozov, S.N. "Voprosy kommentirovaniia rannikh rasskazov I.A. Bunina 1887–1902 gg." ["Some Issues of Commenting Ivan Bunin’s Early Stories of 1887–1902"]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 194–213. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-194-213> (In Russ.)

14. Stepanov, A.D. "Tipologii neponimaniia teksta i zadachi kommentirovaniia" ["Typology of Misunderstanding of a Text and the Tasks of Commenting"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, vol. 19, no. 4, 2022, pp. 710–719. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.404> (In Russ.)

15. *Tekst i kommentarii: kruglyi stol k 75-letiiu Viach. Vs. Ivanova* [Text and Commentary: A Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of Vyacheslav Ivanov]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 420 p. (In Russ.)

16. Tikhomirov, B.N. "‘Lazar’! griadi von". *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* ["‘Lazarus! Come out’. F.M. Dostoevsky’s Novel ‘Crime and Punishment’ in a Modern Interpretation: A Book Commentary]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

17. Frolov, M.A. "‘Nakoplen ogromnyi opyt, no ne obobshchen...’: Neopublikovannye vystupleniia i zametki Iu.G. Oksmana" ["‘Great Experience Has Been Accumulated, But Not Generalized...’: Unpublished Reports and Notes by J.G. Oksman"]. *Literaturnyi fakt*, no. 9, 2018, pp. 384–436. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2018-9-384-436> (In Russ.)

18. Chudakov, A. "K probleme total’nogo kommentarii ‘Evgeniia Onegina’" ["On the Problem of Total Commentary on ‘Eugene Onegin’"]. *Pushkinskii sbornik* [The Pushkin Collection], comp. by I. Loshhilov and I. Surat. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2005, pp. 210–237. (In Russ.)